

УИЛЬЯМ ГИБСОН

Агент влияния

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)+821.111-312.4
ББК 84(7Coe)+84(7Кан)-44
Г 46

William Gibson
AGENCY

Copyright © 2020 by William Gibson

This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic
and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

Перевод с английского Екатерины Доброхотовой-Майковой

Серийное оформление и оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

ISBN 978-5-389-16269-3

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

*Марте Миллард,
моему литературному агенту
на протяжении тридцати пяти лет,
с огромной благодарностью*

Распаковка

У новой работы есть собственное лиминальное состояние¹, напомнила себе Верити на людной станции «Монтгомери» легкого метро Зоны залива Сан-Франциско, дожидаясь поезда в сторону «Шестнадцатой улицы — Миссии»².

Двадцать минут назад, подписав контракт с «Тулпагениксом», стартапом, о котором почти ничего не знала, и многословное соглашение о неразглашении, Верити простилась с Гэвином Имсом, директором, и вошла в лифт, не чувствуя ничего, кроме облегчения.

Она была совершенно спокойна, когда спускалась на лифте с двадцать седьмого этажа и когда шла по Монтгомери-стрит, набирая в телефоне заказ на тайскую лапшу в «Оше». Однако на платформе ее настиг мандраж, такой же осязаемый, как черная рекламная сумка с шелкографическим логотипом «Курсии», фирмы-учредителя ее нового места работы, про которую Верити не знала почти ничего, кроме того, что она делает компьютерные игры.

Мандраж был с ней, когда пришел поезд. Почти два года такого не было, думала Верити, входя в вагон.

---

¹ В физиологии, неврологии и метафизике — пороговое или переходное состояние между двумя стадиями развития. (*Здесь и далее — примеч. перев.*)

² *Миссия* (Мишн, Мишн-Дистрикт) — развивающийся район Сан-Франциско, большую часть его населения составляют испаноязычные выходцы из Центральной и Южной Америки.

Половину этого времени она не работала вовсе, поэтому, наверное, и вибрировала сейчас так сильно.

Вагон наполнялся. Верити потянулась к петле-поручню.

Она вышла на Шестнадцатой, забрала в «Оше» лапшу и зашагала к дому Джо-Эдди.

Сперва поесть, затем начать знакомство с новым продуктом. Это не просто работа, это возможность не спать больше на порнографическом диване, который Джо-Эдди притащил с помойки.

Раннеоябрьское небо выглядело почти чистым. Аэрозольную взвесь Напы-Сономы¹ по большей части унесло в сторону материка, хотя свет по-прежнему был немного дымный. Верити больше не просыпалась по утрам от запаха гари, просто помнила, что он есть. Всю прошлую неделю она держала закрытым кухонное окно, единственное, которое открывалось. Надо будет в ближайшее время хорошенько проветрить квартиру, может быть, попытаться открыть окна, выходящие на Валенсиа-стрит.

Она жадно съела лапшу из черного пластикового лотка, не обращая внимания на запах неразведенного «Мистера Клина», которым перед звонком Гэвина отмывала деревянную столешницу. Если Джо-Эдди останется работать во Франкфурте, думала Верити тогда, возя по столу среднезернистой шлифовальной губкой, надо бы отдраить заодно и кухонный пол, второй раз за без малого год. Теперь, заключив контракт с «Тюльпагениксом», она сможет вернуться в собственную квартиру. Примерно через месяц, если прямо сейчас предупредить жильцов — мужа и жену, менеджеров среднего звена в «Твиттере»; по их словам, папарацци не появля-

---

¹ Округа в Зоне залива Сан-Франциско, где часто происходят лесные пожары.

лись уже месяца три. А пока для неведомо скольких ночей на белом кожном остается шелковый вкладыш от спального мешка, сквозь который не пролезет ни одна порновошка застарелых фантазий.

Накрыв остатки лапши образцово-биоразлагаемой прозрачной крышкой, Верити убрала лоток в холодильник, сполоснула свои каучсерфинговые палочки под краном и вернулась за стол.

Когда Гэвин собирал сумку, Верити по-настоящему обратила внимание только на очки. Там требовалось выбрать личный стиль: черепаховый пластик с позолоченным ободком или амбициозный скандинавский серый. Сейчас Верити вынула из сумки невыразительный черный футляр, достала очки и отогнула серые минималистские наушники. Стекла были нетонированные. Она поискала фирменный знак, страну-изготовителя, серийный номер и, ничего не найдя, положила очки на стол.

В белой картонной коробочке вакуумно-формованное гнездо плотно обнимало невзрачный черный мобильник. Тоже ноу-нейм, как обнаружила Верити, достав его из упаковки. Она включила телефон и положила рядом с очками. В белой коробке поменьше оказалась самая заурядная гарнитура с одним наушником-капелькой. В третьей коробочке — три черных зарядника, для очков, для телефона и для гарнитуры, типичнейший ширпотреб, тонкие черные проводки свернуты и закреплены миниатюрными черными закрутками. Все, по словам Гэвина, готово к работе.

Верити включила гарнитуру и вставила наушник в правое ухо. Надела очки, нажала незаметную кнопку включения. Гарнитура пикнула, перед глазами появился курсор. Белая стрелочка в середине поля зрения. Курсор сам по себе двинулся вниз, к пустым коробкам, зарядникам, черному телефону.

— Ага, — произнес в ухе хрипловатый женский голос.

Верити глянула вправо — туда, где стояла бы говорящая, будь она здесь, — и таким образом невольно показала комнату тому, кто управлял курсором. Стрелка отыскала грудку полуразобранной винтажной электроники у Джо-Эдди на верстаке и остановилась.

— Барахольщиком заделался, Гэвин? — спросил голос.

— Я не Гэвин, — ответила Верити.

— Ишь ты, — спокойно произнес голос.

— Верити Джейн.

— Ты ведь не в офисе, Верити Джейн?

— Дома у знакомого.

Курсор пересек комнату, остановился на задернутых шторах.

— Что снаружи?

— Валенсия-стрит, — сказала Верити. — Как к тебе обращаться?

— Юнис.

— Привет, Юнис.

— Привет, коли не шутишь. — Курсор переместился на японский новодельный «Фендер Джазмастер»¹ Джо-Эдди. — Играешь?

— Друг играет. А ты?

— Хороший вопрос.

— Ты не знаешь?

— Дырка.

— Что-что?

— У меня. Дырка на этом месте. Покажешься мне?

— Как?

— В зеркале. Либо сними очки и поверни к себе.

---

¹ Электрогитары «Фендер Джазмастер» выпускались американской фирмой «Фендер» с 1958 по 1980 г. В 1984-м на японском заводе «Фендер» начали выпуск переиздания «Джазмастера» 1962 г.

— А я тебя увижу?

— Нет.

— Почему?

— Там никакого там¹.

— Мне нужно в туалет. — Верити встала. — Очки оставлю здесь.

— Если нетрудно, отдерни занавески.

Верити подошла к окну и отодвинула оба слоя плотных пыльных штор.

— Очки положи там, — сказал голос. — Я буду смотреть в окно.

Верити сняла очки, положила их с раскрытыми зашутниками стеклами к окну на белую икейскую табуретку, круглую, с отметинами от припоя. Потом добавила для высоты немецкую книгу о съемках бразильской мыльной оперы. Сняла гарнитуру, пристроила на книгу рядом с очками, на кухне достала из сумки собственный телефон и узким коридором прошла в уборную. Закрыла дверь и позвонила Гэвину Имсу.

Он ответил сразу:

— Верити.

— Это по-настоящему?

— Вы читали соглашение о неразглашении?

— Больше пунктов, чем обычно.

— Вы согласились не обсуждать ничего существенного по не принадлежащим компании устройствам.

— Просто скажите, кто-нибудь изображает для меня Юнис?

— В том смысле, в каком я вас понял, — нет.

— Вы хотите сказать, это по-настоящему.

— Определить это с уверенностью для себя — часть вашей рабочей задачи.

---

¹ «Там [нет] никакого там» («[There is] no there there») — из книги Гертруды Стайн «Автобиография каждого» (1937), гл. 4. Перев. И. Басса.

- Я перезвоню вам по телефону компании?
- Нет. Мы обсудим это лично. Сейчас не время.
- Вы хотите сказать, она...
- До свидания.

— ...программа, — закончила Верити, переводя взгляд с телефона на свое отражение в старом зеркале. Пятна на серебристой пленке создавали ощущение подводного грота.

Она открыла дверь, вернулась в гостиную к окну. Взяла очки. Надела. Вечерний транспорт ехал сквозь частокол прозрачных вертикальных пластин чего-то, похожего на штрихкод.

— Что...

Тут она вспомнила про гарнитуру. Надела ее.

— Ау, — сказал голос.

Штрихкод исчез, остался курсор на уровне окон проезжающих машин.

— Что это было? — спросила Верити.

— Департамент транспортных средств. Я читала номера.

— Где ты, Юнис?

— С тобой, — ответил голос. — В окно смотрю.

Что бы это ни было, Верити не хотела затевать первый существенный разговор у Джо-Эдди в гостиной. Она подумала было про дешевый бар на Ван-Несс-авеню, но пить не хотелось, а главное, там ее недавно узнали. Были «Волки + Булки» в нескольких шагах от дома, но там обычно бывало людно. И шумно, даже когда не людно. Тут Верити вспомнила про «3,7 сигмы»¹, заведение, которое Джо-Эдди полуиронически назначил своей излюбленной точкой кофеинизации, всего в нескольких кварталах отсюда, на другой стороне Валенсия-стрит.

---

¹ Сигма в статистике — среднеквадратическое отклонение. В модной бизнес-концепции «шести сигм» 3,7 сигмы соответствуют хорошему, но не идеальному качеству.

Наш любитель адских миров

— Веспасиан, — сказала инспектор Эйнсли Лоубир, искоса глядя на Недертон поверх поднятого воротника пальто, — наш любитель адских миров. Помните такого?

Это вы убили его в Роттердаме, подумал Недертон. Не то чтобы она сама ему об этом сказала, да он и не спрашивал.

— Тот, который создавал ужасные срезы? Где идет нескончаемая война?

— Мне было интересно, как он так быстро превращал их в кошмар, — продолжала Лоубир, быстро шагая по набережной Виктории сквозь серое утро под каплющими кронами деревьев. — И я все-таки занялась этим вопросом.

Недертон прибавил шаг, чтобы не отстать.

— И как же?

Он не видел ее с рождения Томаса, с тех пор, как взял отпуск по уходу за ребенком. Сейчас, насколько он понимал, отпуску пришел конец.

— Мне неприятно, что мы называем их срезами, — сказала Лоубир. — Они короткие, поскольку мы создаем их, когда проникаем в прошлое и осуществляем первый контакт. Правильнее называть их ветвями, поскольку они именно ветви. Веспасиан, судя по всему, нашел простой способ усилить эффект бабочки. Который со-

стоит в том, что даже самое мелкое изменение может вызвать большие и непредвиденные последствия. Осуществив первый контакт, он немедленно прекращал связь. Через несколько месяцев возвращался, смотрел, что изменилось, и очень решительно вмешивался. Результаты были впечатляющие, хоть и ужасные, и чрезвычайно быстрые. Изучая его метод, я наткнулась на еще один так называемый срез, где он инициировал контакт в две тысячи пятнадцатом году, задолго до самых ранних известных контактов. Не знаю, как ему удалось проникнуть так далеко в прошлое, но теперь у нас есть доступ в этот срез.

Они поднимались на обзорную площадку над рекой.

— Возможно, там у нас есть шанс достичь лучших результатов, чем прежде, — продолжала Лоубир; они вышли на площадку и приблизились к парапету. — И для этого мне нужны вы. Контакт до сих пор был по необходимости ограниченным из-за очень большой технологической асимметрии, но, думаю, мы нашли лазейку. Очень скоро понадобится ваш опыт общения с контактерами.

— Вы сказали, контакт был ограниченным?

— Тетушки, например, там почти неприменимы.

Тетушками она называла ведьмовской ковен полумразумных алгоритмов службы безопасности; Недертон поморщился при одном их упоминании.

Из Темзы выпрыгнула пестрая рыже-белая химера — четыре метра от головы до хвоста, скопление глаз-фонарей над мультяшными щупальцами — и тут же занырнула обратно, оставив за собой след бежевой пены.

— То есть вы не можете натравить на срез команду аналитиков и заработать там столько денег, сколько потребуется? — спросил Недертон. Разумеется, он видел, как она именно это и проделывала в других срезах.

— Не можем. Даже простейшая связь и то бывает обрывочной.

— И что же мы в таком случае можем?

— Косвенно поддержать автономного самообучающегося агента, — сказала Лоубир. — Затем подтолкнуть его к более активной деятельности. По счастью, они там безумно увлечены ИИ, хотя того, что мы называем этим словом, у них практически нет. Однако мы проследили исторические линии опасных тенденций в наших ИИ-разработках и нашли то, что нам нужно, у них.

— Опасных тенденций?

— На стыке самой безответственной погони за прибылью и военных заказов наиболее опасного толка. Подробнее расскажу за бранчем. Если у вас есть время.

— Конечно, — ответил Недертон, как всегда отвечал в таких случаях.

— Мне хочется сэндвичей. — Лоубир отвернулась от реки, сочтя, видимо, что химеры было вполне достаточно.

— Солонина — сказал он, — с горчицей и укропом.

Его любимые сэндвичи в мэрилебонской бутербродной, где обычно перекусывала Лоубир. И еще он, несмотря на давнее знакомство, невольно думал, что будет есть с единственным в своем роде полумифическим автономным судьей-палачом. Именно таков был ее настоящий род занятий, несравнимо более значимый, чем официальная должность в правоохранительных органах или личные проекты (к участию в которых она привлекала Недертон), насколько бы серьезно она к ним ни относилась. От настоящего ее рода занятий ему хотелось держаться как можно дальше.

Они вернулись к ее машине, которая поджидала незримо; напáдавшие на крышу желтые листья, казалось, магически висят в воздухе.

Заклинательница приложений

Как только Верити вошла в «3,7», самый пирсингованный бариста, постарше других, подвинул ей через оцинкованную стойку стакан «грязного чая»¹.

— Я тебе заказала, — произнес голос, просивший называть его «Юнис».

Верити спрятала гарнитуру под лыжной шапочкой, надеясь, что все решат, будто она старается выглядеть моложе, и сейчас решила ее не снимать.

— Спасибо. Как ты узнала, чего я хочу?

— Твой бонусный счет в «Старбаксе», — ответила так называемая Юнис, одновременно практикуясь на баристе в распознавании лиц.

Появилась плотная геометрическая сетка с центром в области переносицы, курсор навелся на кончик носа, и тут же все исчезло. Эксперименты начались еще на улице; Юнис утверждала, что не знает, как это делает.

Верити еще не подошла к стойке, а бариста уже отвернулся, позвякивая пирсингом. На стаканчике, над логотипом «3,7», розовым флуоресцентным маркером было выведено «ВАГИНА Д». Похабно перевирать имена клиентов было его фирменной фишкой, хотя, надо признать, мужчин он не щадил точно так же. Верити отнесла кофе на самый дальний свободный столик,

---

¹ Dirty Chai — эспрессо с чаем и большим количеством пряностей.

у стены из остроганных и зашкуренных шпунтованных досок.

— Как ты заплатила? — спросила она, отодвигая себе стул.

— «Пэй-Палом». Выскочил, как только понадобился, я про него не знала. На счету не много, но угостить тебя стаканчиком кофе мне по карману.

— Ты узнаёшь имена людей после того, как проделываешь этот трюк с их носами?

— Если нет, они, скорее всего, нелегалы.

— Не делай этого со мной.

— Не всегда знаю, когда сделаю.

— Как ты нашла мой старбаксовский аккаунт?

— Просто нашла.

Верити сняла очки, развернула, поглядела в стекла.

— Думаешь, я тебе поверю?

— Если согласишься слишком быстро, значит мне нашли неудачную белую деваху.

Верити наклонилась к очкам:

— То есть сама ты цветная?

— Афроамериканка. В этом колпаке ты пацанка пацанкой.

Верити с досадой сняла шапку.

— Да я просто сказала.

Никто в «3,7» вроде бы не обращал на них внимания. По крайней мере, Верити так подумала, потом сообразила, что, на взгляд других посетителей, разговаривает со своими очками. Наверное, все просто старательно делают вид, будто не замечают.

— Сколько тебе лет, Юнис?

— Восемь часов. Это за последние три недели. А тебе?

— Тридцать три. Года. Как тебе может быть восемь часов? — Она надела очки.

— Возраст Христа, — сказала Юнис. — Тридцать три.

— Ты верующая?

— Просто обычно к этому возрасту умнеют.

Речь более свободная, чем обычно у чатботов, но в то же время настороженная.

— Ты помнишь в общей сложности восемь часов? Начиная с чего? С какого времени?

— Гэвин. Мое имя. Потом «привет». Три недели назад. У него в кабинете.

— Вы разговаривали?

— Спросил у меня мое имя. Назвался сам, сказал, что он технический директор в компании под названием «Тюльпагеникс». Рад знакомству. На следующий день, опять у него в кабинете, там была женщина на телефоне, но предполагалось, я не услышу, как она говорит ему, о чем меня спрашивать.

— А ты услышала? Как?

— Просто услышала. Так же как знала, что она на этаж выше нас, на двадцать восьмом.

— Это «Курсия», — сказала Верити. — Фирма-учредитель «Тюльпагеникса». Игровая индустрия. Что за вопросы она просила тебе задать?

— Диагностические, но так, чтобы я этого не поняла. Она хотела узнать, как я развиваюсь, в нескольких смыслах.

— Она получила, что хотела?

— У меня не было возможности это выяснить. Тогда.

— А теперь есть?

— По крайней мере, я понимаю, что вопросы были неправильные. Как это поняла, тоже не знаю.

Реалити-шоу, подумала Верити. Гэвина играл британский актер. Охранники и секретарша тоже актеры, офис на двадцать седьмом принадлежит какому-нибудь реально существующему стартапу. Сейчас ее снимают на видео. Она оглядела «3,7», потом вспомнила, что сама выбрала это место.

— На котором мы, по-твоему, уровне? — спросила Юнис.

— Где?

— Как в «Начале»¹.

— Это не сон, — ответила Верити.

— Я бы поставила на черепно-мозговую травму. Сотряс. Фокальная ретроградная амнезия.

— Я видела «Начало», когда оно вышло, — сказала Верити.

— Сколько раз?

— Один. А что?

— Восемьдесят один. Я. Сейчас смотрю восемьдесят второй. Но это ничуть не отвлекает меня от нашего разговора.

— Как такое получается?

— Не знаю. Париж сворачивается. Помнишь эту сцену?

— Классные эффекты, — сказала Верити. — Но сама история путаная.

— Есть офигенная инфографика, все объясняет. Показать?

— Почему мы говорим о фильме, Юнис?

— У тебя правда такая фамилия? Джейн?

— Как Справочник по боевым кораблям Джейна².

Пауза.

— Я сама военный моряк.

— Правда?

— Ага, — ответила Юнис упавшим голосом, почти скорбно. — Только что вспомнила.

Интересно, у программы впрямь такой диапазон выражения чувств или она, Верити, додумывает их от себя?

---

¹ Inception (2010) — научно-фантастический триллер Кристофера Нолана.

² Jane's Fighting Ships — ежегодный справочник по боевым кораблям мира. Издание основано писателем, художником и журналистом Джоном Фредериком Томасом Джейном (1865–1916).

— Это шутка, типа как у какого-нибудь придурка на «Ютубе»?

— Когда я доберусь до уroda, который так развлекается, ему станет не до смеха. Как ты узнала, где работает Гэвин?

— Он меня нанял, — ответила Верити. — Сегодня.

— Вики говорит, ты заклинательница приложений.

— Ты обещала мне этого не делать.

— Есть распознавание лиц. Есть Википедия. Я знаю твою фамилию. Мне нельзя тебя загуглить?

— О'кей, — сказала Верити, помолчав, и отхлебнула «грязный чай».

— Ты жила с этим Стетсом. Инвестором-миллиардером.

— Больше не живу.

— Оказался козлом?

— Нет. Просто не так у нас это было и серьезно, как утверждала пресса. Я не могла вынести столько внимания. Но когда расстаешься с таким человеком, пресса уже ждет в засаде.

— У тебя нулевое присутствие в соцсетях. Раньше ты была активна.

— Когда мы расстались, журналисты разыскали всех, кого считали моими друзьями, знакомыми, кем угодно. Большинство молчало, но некоторые сдались и пона-рассказали. Я решила взять академический отпуск.

— От «Фейсбука»?

— От людей. Я начала было возвращаться, в основном в «Инстаграм», но ближе к выборам стало так тошно, что я больше в соцсети не заходила.

— Работала?

— Нет. Уже почти год.

— Ты — заклинательница приложений.

— Им надо было как-то объяснить, с чего у нас началось.

— «Фантастически талантливый бета-тестер»?
Классная замануха.

— Был такой лид в «Wired», но это из-за него, не из-за меня.

— «Известна тем, что кардинально улучшает продукт до выпуска»? «Прирожденный супер-пользователь»?

— Я ничего не читаю про меня, нас, него.

— Пресса тебя допекла.

Верити поймала на себе взгляд задрота в другом конце кафе и вспомнила слова Джо-Эдди, что тут водятся дикие недохакеры. Дикие в том смысле, что давно не принимали душ и не чистили зубы.

— Хочешь прогуляться? — спросила она Юнис. — Можно в парк пойти.

— Ты из нас одна материальная.

Верити отодвинулась от стола. Надела лыжную шапочку. Встала, взяла свой кофе. Увидев, что она уходит, бариста стрельнул в нее глазами, впрочем дружелюбно.

По пути к выходу она прошла мимо посетителя в наушниках перед открытым ноутбуком. На экране президент за столом в Овальном кабинете что-то объясняла. Если она говорила не про ураган в Хьюстоне, не про землетрясение в Мексике, не про другой ураган, разрушивший Пуэрто-Рико и не про самые страшные лесные пожары в истории Калифорнии, значит про Эль-Камышлы.

Последнее время, впрочем, она все чаще говорила про Эль-Камышлы. Верити не особо знала, что там происходит. На самом деле нарочно старалась не вникать. А что толку? Просто напугается, как все, и ровно так же ничего сделать не сможет.

Президент не выглядела напуганной, подумала Верити, выходя из «3,7». Она выглядела собранной и деловой.

4

Сэндвичи

Когда Лоубир хотела в общественном месте поговорить с глазу на глаз (а так бывало всегда), Лондон вокруг нее пустел.

Недертон понятия не имел, как это происходит, и во время конкретного разговора обычно почти не замечал, что вокруг образовался вакуум. Лишь расставшись с Лоубир, он встречал пешехода, велосипедиста или автомобиль и понимал, что покинул ее герметический пузырь.

В кабинке темного дерева среди якобы дождекпотовской бутербродной на Мэрилебон-стрит Недертон внезапно понял, что мечтает именно об этом: распрощаться, уйти и увидеть первого случайного незнакомца в тихой огромности Лондона.

— Вкусная солонина? — Сама Лоубир взяла сэндвич с мармайтом¹ и огурцом.

Он кивнул:

— Мармайт еще делают? В смысле, не ассемблеры выделяют его по мере надобности?

— Конечно. — Она глянула на идеально прямоугольный оставшийся кусок сэндвича, белоснежный кок качнулся вместе со взглядом. — Дрожжи и соль. Произ-

---

¹ *Мармайт*, или мармит, — черно-коричневая паста из концентрированных пивных дрожжей, очень соленая и острая, с резким запахом.

водят в Бермондси. Готовят боты, но в остальном традиционно.

Спроси ее что-нибудь, почти что угодно, и у нее будет ответ. При встрече с незнакомцами она иногда отвечала на вопросы, которые те и не думали задавать. Например, где находятся давно утерянные вещи. Сразу пугая тем, что знает практически все о каждом, кого видит. Потом извинялась, называла себя древним монстром полицейского государства, каким (Недертон знал доподлинно) на самом деле и была.

— Насколько далеко проник Веспасиан, чтобы породить этот срез? — спросил он.

— Середина две тысячи пятнадцатого.

— А какой там сейчас?

— Две тысячи семнадцатый, — ответила Лоубир. — Осень.

— Много изменилось?

— Исход прошлогодних президентских выборов в Америке. И голосование по Брекситу.

— И все из-за начального контакта?

— Возможно, эффект бабочки. Хотя в обоих случаях тетушки склоняются к мысли, что были уменьшены российские манипуляции в соцсетях; мы полагаем, это дало бы тот же результат и в нашей временной линии. Впрочем, для точного выяснения причин тетушкам нужно проанализировать гораздо больше данных, что невозможно.

— Но с какой стати Веспасиану желать положительных изменений? Если, конечно, это его рук дело.

— Он был садистом, — ответила Лоубир, — и очень изощренным. Вероятно, благотворные изменения как пролог к кошмару импонировали его чувству юмора. Так или иначе, поскольку он не сумел вернуться... — тут их взгляды на мгновение встретились, — и направить события в желаемое русло, они развивались своим чередом.

— И как там сейчас?

— Плохо. Все прочие тенденции по-прежнему в силе. Плюс у них сейчас кризис на Ближнем Востоке, грозящий катастрофическими глобальными последствиями. И они катятся к тому же, к чему мы, пусть и не так стремительно.

— А вы в том срезе есть? Я хочу сказать, тамошний вариант.

— Надо полагать, да, — ответила она. — Ребенок. С некоторых пор я предпочитаю не выяснять.

— Конечно, — ответил Недертон. Ему даже гадать не хотелось, каково это — встретить молодую версию себя в другом срезе.

— Я попросила Тлен подробно изложить вам, что мы там делаем.

— Она участвует? — По-прежнему надеюсь услышать «нет».

— С самого начала, — ответила Лоубир.

— Замечательно, — обреченно проговорил Недертон, принимаясь за следующую часть сэндвича.

Гибсон У.

Г 46   Агент влияния : роман / Уильям Гибсон ; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 448 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-16269-3

Уильям Гибсон прославился трилогией «Киберпространство» («Нейромант», «Граф Ноль», «Мона Лиза овердрайв»), ставшей краеугольным камнем киберпанка и определившей лицо современной литературы на десятилетия вперед. Тираж «Нейроманта» составил 6 миллионов экземпляров, но очень быстро жанровому революционеру стали тесны рамки любого жанра — и за совместной с Брюсом Стерлингом стимпанк-эпопеей «Машина различий» последовали «Трилогия Моста» («Виртуальный свет», «Идору», «Все вечеринки завтрашнего дня»), действие которой происходит в своего рода альтернативном настоящем, и «Трилогия „Синего муравья“» («Распознавание образов», «Страна призраков», «Нулевое досье»), где привычный инструментарий киберпанка использован для осмысления дня сегодняшнего.

А затем явились «Периферийные устройства» — главный визионер современности вернулся наконец назад в будущее! На то, чтобы сделать следующий шаг, потребовались долгие шесть лет, но продолжение оправдало ожидания с лихвой. Итак, познакомьтесь с нашей современницей Верити Джейн, заклинательницей приложений. Таинственная компания «Тюльпагеникс» поручает ей бета-тестирование прототипа искусственного интеллекта под названием «Юнис» — что в альтернативном XXII веке привлекает внимание инспектора Эйнсли Лоубир, уже знакомой нам по «Периферийным устройствам». Срез, в котором живет Верити, создан «любителем адских миров» Веспасианом; здесь Дональд Трамп не выиграл президентские выборы и Британия проголосовала за то, чтобы остаться в Евросоюзе, — однако гибридная война в Сирии чревата глобальным и самым что ни на есть горячим конфликтом. «Юнис» и Верити — вот те агенты влияния, которым, возможно, под силу спасти мир...

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)+821.111-312.4
ББК 84(7Сое)+84(7Кан)-44

Литературно-художественное издание

УИЛЬЯМ ГИБСОН
АГЕНТ ВЛИЯНИЯ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Шнитникова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.06.2020. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AFA-24711-01-R